

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

**Рецензия на книгу: УЗЛАНЕР Д. КОНЕЦ РЕЛИГИИ?
ИСТОРИЯ ТЕОРИИ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ.
М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. —
240 с. ISBN 978-5-7598-1693-9**

Эдуард Евгеньевич Сафронов (safronoveduard@gmail.com)

Институт философии РАН, Москва, Россия

Цитирование: Сафронов Э.Е. (2019) Рецензия на книгу: Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 240 с. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(4): 246–253. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.9>.

Вряд ли можно оспорить тот факт, что издательский дом Высшей школы экономики — одно из ведущих университетских издательств в России, а специальный проект серийных монографий по социально-экономическим и гуманитарным наукам представляет собой лицо этого издательства. За не такой уж и долгий период существования проекта (в этом году он отмечает свое десятилетие) в рамках серий «Экономическая теория», «Политическая теория», «Социальная теория» и «Исследования культуры» вышло много знаковых книг. Так, проект открыл отечественной аудитории имена классиков социальной теории — Андре Горца, Чарльза Тилли, Баррингтона Мура-младшего, Йорана Терборна и др. Но также проект открывает широкой публике отечественных ученых. Например, летом этого года в серии «Социальная теория» вышла первая книга социолога религии мирового уровня Дмитрия Александровича Узланера «Конец религии? История теории секуляризации».

Узланер уже давно пишет статьи на эту тему в отечественных и зарубежных изданиях, и потому появление монографии, посвященной теории секуляризации, было лишь вопросом времени. Сегодня, несмотря на то что современный дискурс социальной теории постепенно отходит от секуляризации к постсекуляризации (Узланер 2013), изданная книга крайне актуальна и важна потому, что в ней наглядно демонстрируется тесная связка двух концептов социальной теории — модернизации и секуляризации. Во вступлении автор сразу оговаривает: «...эта книга не о религии и даже не о секуляризации в смысле исторического процесса» (Узланер 2019: 8). Работа целиком посвящена социологической теории секуляризации — ее возникновению, постепенному становлению, рас-

цвету и кризису. Такой фокус на истории социологической теории позволяет за подробным описанием и анализом ключевых концепций секуляризации увидеть классический паттерн для социальных и гуманитарных наук XX в.: переход от модерна к чему-то, что приходит ему на смену. И если в социальной теории, философии, литературоведении постмодерн стали осмыслять в качестве антипода модерна, т. е. как нечто радикально новое, еще в 1950-х годах, то для социологии религии модернизация оставалась господствующей идеологией вплоть до конца XX в. Именно этому постепенному сращиванию теории секуляризации и концепции модернизации, их сосуществованию и трагичному разрыву посвящена книга.

Согласно авторскому замыслу, книга разделена на пять глав, четыре из которых рассказывают об истории теории секуляризации в Европе и Северной Америке, а в пятой главе рассматривается судьба теории в Советском Союзе.

В первой главе Узланер раскрывает предысторию теории секуляризации. Отмечая, что термин «секуляризация» имеет долгую историю в праве и богословии, автор концентрируется на социальных проявлениях еще не артикулированного в социологической теории процесса. То, что позже будет названо «процессом секуляризации», уходит корнями в историю Реформации: именно это точка была местом пересмотра предшествующих взглядов на «религиозное». Узланер отмечает, что теоретическое осмысление процесса секуляризации имело несколько предпосылок. Во-первых, это вера в начало разума, а во-вторых, предубеждение к религии, которую ведущие социальные философы противопоставляли эволюции и прогрессу (Узланер 2019: 14). Особенно ярко эта позиция проявляется в эпоху Просвещения. Автор пишет: «Просвещенческая дискредитации религии (как опасного предрассудка) и восхваление разума, скрещенные с идеей прогресса, в сумме дают первый набросок теории секуляризации» (Узланер 2019: 15). Этот «набросок» будет так или иначе появляться в трудах многих исследователей XIX в.

Узланер последовательно рассматривает предшественников теории секуляризации, отмечая, что в трудах каждого из них видны описанные выше предпосылки. Яркий пример — философия истории Гегеля, в которой история определяется как направленный к определенной цели процесс (т.е. прогресс), а движущей силой этого процесса становятся свобода и разум. И хотя Гегель утверждает, что процесс раскрытия абсолютного Духа не враждебен религии в целом, несоответствующие Духу религиозные формы в будущем неминуемо отомрут. Или у одного из основоположников социологии Огюста Конта теологическое состояние «разума» предшествует метафизическому и научному (позитивному), и, следовательно,

оно должно быть преодолено. Следующий «пророк секуляризации» Карл Маркс привносит в теорию прогресса объективные и материалистические объяснения. Именно тезис Маркса «Не сознание определяет бытие, а бытие определяет сознание» стал основой для социологических теорий секуляризации.

Перенос внимания на объективные предпосылки (экономику) позволил сделать процесс секуляризации эмпирически постигаемым (Узланер 2019: 20). Так, для Эмиля Дюркгейма секуляризация также становится закономерным следствием прогресса. Хотя классик социологии отмечает, что религия теряет влияние, ее главные социальные функции в обществе — единение и солидарность — необходимы, что, в свою очередь, говорит о невозможности существования безрелигиозного общества, пусть бы эту функцию даже будут выполнять квазирелигиозные секулярные аналоги. Социологи Фердинанд Тённис и Макс Вебер также разделяли тезис об «общественной эволюции» как о предпосылке и моторе процесса секуляризации. Вера в прогресс (а позже в модернизацию) и сопутствующую ему неминуемую общественную эволюцию, при которой религия станет если не атавизмом, то набором безобидных ритуалов, стала центральной для всех последующих теорий секуляризации. Забегая вперед, отметим, что она же и привела теорию к кризису.

Во второй главе речь идет о становлении теории секуляризации. Среди главных исследователей темы автор выделяет Говарда Беккера, который в 1930-х годах впервые рассмотрел понятие секуляризации. Беккер был скорее исключением, так как в начале прошлого столетия внимание ученых было приковано к «церковной социологии», занимавшейся церковной религиозностью. Однако ситуация изменилась в 1960-х годах. Объективные изменения в обществе, вызванные стремительным ростом благосостояния, трансформациями в культуре, науке и технологиях заставили искать новые объяснения этих процессов. Основой для социологии становится теория модернизации, одним из направлений которой было изучение влияния модернизации на упадок традиционных религиозных форм. Так секуляризация как предмет исследования социологии религии пришла на смену религиозной социологии.

Описывая процесс становления теории секуляризации, автор условно делит его на два этапа: 1) возникновение теорий секуляризации в 1960–1970-е годы (Парсонс, Уилсон, Лукман, Мартин, Фенн); 2) синтез теории в единую модель (Узланер 2019: 43). Дмитрий Узланер последовательно рассматривает ключевых теоретиков секуляризации XX в., подробно описывая структуру их концепций. Так, у американского социолога Толкотта Парсонса религия выполняет необходимую функцию общественной

жизни (продолжение традиции Дюркгейма). Соответственно, эта функция видоизменяется от досовременного состояния к современному, проходя четыре метаморфозы: дифференциацию, повышение адаптивной способности, включение и генерализацию ценностей. В свою очередь, британец Брайан Уилсон признавал возможность существования светского, безрелигиозного общества и рассматривал секуляризацию как следствие перехода с общинной основы к общественной (Узланер 2019: 52). Для Уилсона секуляризация не только превращает религию из гегемона общественной жизни во всего лишь один из институтов (в рамках которого была возможна только узко понятая «религиозность»), но и непосредственно влияет на личную религиозность. Также Уилсон (в пересказе Узланера) отмечает, что религия начинает реагировать на внешнее воздействие экуменизмом, бюрократизацией, профессионализацией и принятием ценностей светского общества.

Следующий ученый, подробно рассматриваемый в книге, — Питер Бергер. Он указывал, что западная религиозная традиция сама подготовила почву для модернизации. Выделяя себя как сакральный социальный институт, церковь сделала возможным появление мирских, профанных общественных институтов, которые впоследствии вывели экономику из-под юрисдикции религии. Это стало началом конца для религиозности. Экономика начинает определять остальные сферы общества, становится двигателем модернизации (Узланер 2019: 71). Таким образом, секуляризация оставляет религии единственную функцию — придание смысла человеческой жизни. Однако и это становится затруднительным, потому что на эту же функцию претендуют другие социальные структуры. Так, «для религии плюрализация жизненных миров приводит к двум следствиям: приватизации и релятивизации» (Узланер 2019: 74). Религия постепенно отесняется в частную жизнь, а между религиозными традициями возникает конкуренция. Вместе с превращением верующих в потребителей создается «рынок религий», который начинает функционировать на светских основаниях. Эту идею развивал Томас Лукман, коллега и соавтор Бергера. Однако Лукман не отождествлял организованную религию и религиозность, указывая, что институт религии — частный случай. Именно «институт», а не сама религия подвергается воздействию секуляризации. Официальные религии становятся рассогласованными с современным социальным порядком, что закономерно приводит к утрате их влияния. Однако «религия как универсальный феномен человеческого существования не может сойти на нет в процессе секуляризации» (Узланер 2019: 95). В конце второй главы Узланер рассуждает о том, что объединяет все эти концепции и в чем их различия.

Третья и четвертая главы рассказывают о критике и кризисе теории секуляризации. Узланер условно делит теорию на «надстройку» (методологию, схему модели, выводы о перспективах) и «базис» (теорию модернизации и ее центральный тезис об универсальности закономерностей развития общества). В третьей главе рассмотрена критика «надстройки» теории. Большую роль в активизации этой критики сыграли события 1970–1980-х годов, когда в различных точках земного шара начало происходить то, что поставило под удар некоторые выводы теории секуляризации. Во-первых, автор выделяет всплеск религиозного фундаментализма на Востоке (революция 1979 г. в Иране) и на Западе (движение «христианских правых» в США), а во-вторых, появление «новых религиозных движений», таких как Нью Эйдж. Стоит отметить, что повышенная религиозность в США оставалась неудобной для многих теоретиков секуляризации, однако большинство из них отмечали, что она сохраняет в первую очередь внешние и общественные проявления, проходя «внутреннюю секуляризацию», которая также приводит к потере контроля религий над большинством сфер человеческой жизни (Узланер 2019: 102). Суммируя «обвинения» критиков концепций секуляризации, автор указывает основные претензии к теории: умозрительность, идеализация прошлого, ангажированность, игнорирование универсальности религии, несогласованность и несоответствие новому глобальному контексту (Узланер 2019: 126). Так или иначе, эти тезисы оказались недостаточно сильны для опровержения теории секуляризации. Более того, некоторые из них, например абстрактность и умозрительность, были преодолены за счет работы с эмпирическим материалом, другие же легли в основу исследований по актуализации теории. Так, ученые выделили три уровня секуляризации — макро- (структурный), мезо- (религиозные организации) и микроуровень (личная религиозность) (Узланер 2019: 133) — и сконцентрировали внимание на макроуровне структурных изменений, оставив тезис об упадке личной религиозности.

Далее Узланер критикует «базис» теории секуляризации в конце XX в. Именно это нанесло модели невосполнимый урон. В основе теории лежало допущение, согласно которому модернизация является «универсальной моделью», и потому все общества/страны рано или поздно пройдут путь «обновления» вслед за «западными первопроходцами». Однако время показало, что это было ошибкой. Очень скоро модернизация перестала пониматься как следование пути «передовых» стран (Западной Европы и Северной Америки), а сокрушительная критика империализма и колониализма показала, что каждый субъект мировой политики волен самостоятельно выбирать свой путь, ориентируясь на местные социокультур-

ные особенности. В этом контексте Узланер обращается к концепции «множественных современностей» израильского исследователя Шмуэля Эйзенштадта. С точки зрения Эйзенштадта, возможно существование множества форм современности, в рамках которых каждый феномен может быть представлен по-разному. Таким образом, теория секуляризации становится актуальной для частных случаев и не претендует на описание глобальных процессов.

Даже процесс секуляризации может быть рассмотрен в рамках такой перспективы, что и показывает Узланер, ссылаясь на влиятельную работу «Религиозная Америка, светская Европа» Бергера, Дэйви и Фокаса (Узланер 2019: 157). И все же, несмотря на сокрушительный удар, некоторые исследователи предпринимали попытки реанимировать теорию. Среди этих авторов можно назвать Стива Брюса и Карела Доббелере. Однако эти ученые не преуспели в своих начинаниях. Другие, например Дэвид Мартин (памяти которого Дмитрий Узланер посвятил книгу), Хосе Казанова и Питер Бергер, признали кризис теории секуляризации и направили силы на выявление прежних положений, которые могли бы пригодиться социологии, а вместе с этим — на поиски новых языков описания происходящего с религией. Так, Дэвид Мартин предложил вывести теорию из «привычной колеи», т.е. отказаться от осевой идеи теории секуляризации, согласно которой общество неизбежно движется от религиозности к светскости, и признать, что модернизация во многом зависит от культуры каждого конкретного общества.

Пятая глава книги посвящена советской теории секуляризации. Стоит сказать, что это уникальное исследование Дмитрия Узланера не зря помещено почти в самый конец книги. Узланер «играет» с нашим пониманием западного пути анализа секуляризации и акцентирует внимание на уникальных характеристиках теории в Советском Союзе. Во многом советская модель теории секуляризации обратила внимание на особенности, которые гораздо позже были восприняты и изучены западными учеными. Все они вместе с обстоятельной исторической справкой представлены в этой главе. И если вдруг у кого-то могла закрасться мысль, что основной материал книги — это пересказ западных источников, то именно тут он поймет, как жестоко заблуждался. Потому что именно последняя глава позволяет говорить об оригинальности концепции автора. То есть перед нами не только прекрасная энциклопедия «теории секуляризации» в социологии, но и уникальная авторская концепция.

В конце книги мы вступаем на порог XXI в., наблюдая за «умирающей» теорией, до недавнего времени обладавшей огромным влиянием в социальных науках. Это не единственный известный нам случай, когда стык

веков стал переломным моментом для множества социальных теорий (Павлов 2019: 7–53). Однако не стоит забывать, что из кризиса не смогла выбраться концепция теории секуляризации, представленная в книге в наиболее общем понимании. Многие элементы, которые составляли теорию, продолжают жить как полноценные направления более узких исследований в социальной науке. Так, религиоведы и социологи религии не только стали исследовать институциональные структуры, но и обратили внимание на проявления религиозного в массовой культуре (Афанасов 2019; Сафронов 2019). Исследования секуляризации сменились исследованиями десекуляризации, а трон ведущей социальной теории, связанной с религией, заняла теория постсекуляризации. Дмитрий Узланер — автор большого количества публикаций и исследований на эту тему (Узланер 2011), что оставляет нам, читателям, интересующимся социологией религии, надежду на то, что в скором времени может выйти новая книга, посвященная актуальной повестке в исследованиях на стыке религиозного и общественного.

Литература

Афанасов Н. (2019) Мессия в депрессии: религия, фантастика и постмодерн в аниме Neon Genesis Evangelion. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 37(3): 125–150.

Павлов А.В. (2019) Странная жизнь постмодернизма. В: Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Сафронов Э. (2019) Популярная культура как религия. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 37(3): 277–283.

Узланер Д. (2011) Введение в постсекулярную философию. *Логос*, 82(3): 3–32.

Узланер Д. (2013) Картография постсекулярного. *Отечественные записки*, 52(1): 175–192.

Узланер Д. (2019) *Конец религии? Теория секуляризации*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

BOOK REVIEW: UZLANER D. THE END OF RELIGION? A HISTORY OF SECULARIZATION THEORY.

**Moscow: Izdatelskiy Dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2019. — 240 p. (in Russian)
ISBN 978-5-7598-1693-9**

Eduard Safronov (safronoveduard@gmail.com)

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Citation: Safronov E. (2019) Book review: Uzlaner D. The end of religion? A History of Secularization Theory. Moscow: Izdatelskiy Dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2019. — 240 p. (in Russian). *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(4): 246–253 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.4.9>.

References

Afanasov N. (2019) Messiya v depressii: religiya, fantastika i postmodern v anime Neon Genesis Evangelion [Messiah in Depression: Religion, Fiction, and Postmodernism in the Anime Neon Genesis Evangelion]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 37(3): 125–150 (in Russian).

Pavlov A.V. (2019) Strannaya zhizn postmodernizma [The strange life of postmodernism]. In: Jamison F. *Postmodernizm, ili Kulturnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara (in Russian).

Safronov E. (2019) Populyarnaya kultura kak religiya [Popular culture as a religion]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 37(3): 277–283 (in Russian).

Uzlaner D. (2011) Vvedeniye v postsekulyarnuyu filosofiyu [Introduction to postsecular philosophy]. *Logos*, 82(3): 3–32 (in Russian).

Uzlaner D. (2013) Kartografiya postsekulyarnogo [Cartography of the postsecular]. *Otechestvennyye zapiski*, 52(1): 175–192 (in Russian).

Uzlaner D. (2019) *Konets religii? Teoriya sekulyarizatsii* [The end of religion? A History of Secularization Theory]. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki (in Russian).